

Фидарова Рима Японовна, Кайтова Ирина Анатольевна

ЖАНР РАССКАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ СЕКА ГАДИЕВА

В статье анализируется одна из актуальнейших проблем современного осетинского литературоведения - исследование жанровых особенностей в рассказах Сека Гадиева на одном из важнейших этапов становления осетинской литературы в конце XIX - начале XX века. Целью изучения в предложенной статье является роль писателя в становлении концепции национального характера в формирующейся осетинской литературе и, конечно же, в зарождении и развитии в ней жанра рассказа. Теоретическая и практическая значимость статьи очевидна: результаты исследования будут способствовать дальнейшему изучению проблем жанрового своеобразия осетинского рассказа в начале XX века и могут быть использованы в вузовской и школьной практике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 1. С. 27-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

EDITORIAL CORPS OF THE JOURNAL "OLONETS DIOCESE GAZETTE"

Urvantseva Natal'ya Gennad'evna, Ph. D. in Philology
Petrozavodsk State University
naturv@mail.ru

The article is devoted to the history of "Diocese Gazette" of Olonets province. The personalities of the editors, their work and contribution to the formation and development of the diocesan organ have not been studied yet. The staff of the diocesan gazette included teachers of theological schools of Petrozavodsk and the clergy of the diocese. The curricula vitae of many of them are found in different sources, are incomplete or unknown. This stipulates the relevance of the study. The author recreates the list of the journal editors and fills in the gaps in the study of the periodical press of the pre-revolutionary Russian province.

Key words and phrases: diocese gazette; periodical press; church periodicals; journalism; editors.

УДК 82-31; 821.221.18

В статье анализируется одна из актуальнейших проблем современного осетинского литературоведения – исследование жанровых особенностей в рассказах Сека Гадиева на одном из важнейших этапов становления осетинской литературы в конце XIX – начале XX века. Целью изучения в предложенной статье является роль писателя в становлении концепции национального характера в формирующейся осетинской литературе и, конечно же, в зарождении и развитии в ней жанра рассказа. Теоретическая и практическая значимость статьи очевидна: результаты исследования будут способствовать дальнейшему изучению проблем жанрового своеобразия осетинского рассказа в начале XX века и могут быть использованы в вузовской и школьной практике.

Ключевые слова и фразы: жанр; рассказ; герой; конфликт; сюжет; характер; композиция.

Фидарова Рима Японовна, д. филол. н., профессор
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева
(филиал) Владикавказского научного центра Российской академии наук
irinakaytova@mail.ru

Кайтова Ирина Анатольевна, к. филол. н.
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова
irinakaytova@mail.ru

ЖАНР РАССКАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ СЕКА ГАДИЕВА

Зарождающаяся в конце XIX – начале XX века осетинская литература приобретает и боевой, наступательный характер, выражая открытый протест против насилия над человеческой личностью. В этом тоже проявляется влияние марксистского этапа освободительной борьбы, первой русской революции, оказавшейся очистительной бурей в духовном бытии горцев. Весьма любопытны в данном аспекте рассказы Сека Гадиева 1907 года «Айсса», «Залда» и др. «Каких бы вопросов Сека Гадиев ни касался, – пишет З. Салагаева, – будь это вопросы христианско-проповеднического характера или истории Осетии, – в центре внимания его всегда тема родины, судьбы народа» [5, с. 43].

Часто выступал писатель и с осуждением вредных обычаев и традиций горцев [6, с. 17].

Художественная мысль все вернее и последовательнее продолжает свою линию в изображении характера горца, еще активнее продолжают характерологические поиски, которые позже заложат основу реалистических традиций, воспринявших все лучшее от фольклора и вместе с тем «размежевавшихся» с фольклорной традицией, с фольклорной системой изображения характера. Так, скажем, в рассказе «Залда» (1907) Сека Гадиева уже отчетливо выявляется тенденция к всесторонности изображения человека, психологической дифференцированности. Уже явно нарушаются эстетические фольклорные «каноны». Характер не является носителем одной лишь идеи. И в рассказе «Айсса» (1907) стражник – не только взяточник, он еще и лицемер, до предела жаден, коварен, глуп (хотя и тут еще проскальзывает фольклорный способ мышления автора: отрицательный герой у него только отрицателен). Впрочем, такой подход был тогда еще вполне правомерен: ведь читатель, на которого был рассчитан данный рассказ, тоже не преодолел еще фольклорный уровень восприятия и, главное, фольклорную категоричность мышления. Одна из основных закономерностей развития художественного сознания как раз и заключается в органической зависимости диалектики писательского мышления от художественной культуры народа, его социально-исторического опыта, – художественное мышление тесно связано с идеологией и общественной психологией. Что же нового вносит С. Гадиев в художественное мышление своей эпохи и своего народа на столь ответственном этапе его развития? На наш взгляд, многое. Во-первых, именно с его творчеством входит в мир осетинского художественного мышления идея психологизма. «Право гражданства» в его произведениях получает описание чувств и эмоций героев. Это большой шаг в художественном становлении характера. К тому же ценно то, что неожиданно

для самого себя Гадиев связывает идею необходимости психологизма с идеей необходимости раскрытия социальной несправедливости. Подчеркивая «неожиданно для самого себя», мы не оговорились. Писатель действует интуитивно, ставя рядом и связывая логически эти два понятия. Ведь сам он не поднялся выше (в своем мировоззрении) стихийного, неосознанного бунта против человеческого порабощения.

И второй, очень важный момент в становлении эстетической системы реалистического обобщения. Он тоже во многом связан с проблемой динамики, развития характера: движение, эволюция мысли и чувства героя намечены у Гадиева «пунктирно». Он почти никогда не дает диалектику чувства любви, не показывает процесса «накопления» чувства. Тут фольклорно-упрощенная трактовка любви: только стоит героям впервые взглянуть друг на друга, как у них моментально вспыхивает такое страстное чувство, которое предопределяет их трагические судьбы, заставляет перешагнуть через вековые нормы морального бытия народа. Но наряду с этим, скажем, в рассказе «Залда» (1907) писатель намечает уже движение души героя. Кази, сознавая, что из-за него погибла Залда, не в состоянии дальше нести свой «крест», он должен высказаться, покаяться. И он идет на суд народной молвы. Ему не все равно, что скажут люди. Кази необходим приговор народа. Потому что сам он – малая частица этого мира. Здесь мы встретились с очень интересным, хотя и противоречивым процессом художественного синтеза. С одной стороны, Кази уже личность. Он способен осмыслить индивидуально-неповторимую значимость своего личного поступка. В какой-то мере он уже способен нравственно оценить его. Но с другой стороны, он оценивает его не как отдельный человек, а как носитель коллективного сознания.

Так, в рассказах Сека Гадиева наблюдается усложнение событийной канвы, вставки внешне драматических эпизодов (битва, всевозможные встречи с опасностью и т.д.), типично романная интрига: любовная и т.д. В то же время в весьма любопытных, приближенных к романной жанровой форме произведениях С. Гадиева выражается объективная, определенная временем и обстоятельствами ограниченность художественного «кругозора»: в них глубинная суть конфликта не всегда раскрывается, отсутствуют психологически усложненные характеры, в развитии сюжета не всегда выдержана внутренняя связь, логика, не всегда последовательно анализируются мотивы и поступки героев.

Ограниченность художественного «кругозора» писатель частично проявил и в том, что у него открытый, внешний фольклоризм. Так, в трактовке любви у Гадиева наблюдается фольклорно упрощенный подход, в произведениях Сека нет диалектики чувства, нет процесса «накопления» его. Но в общем-то, движение души героев у писателя уже есть. «Народность Сека, – пишет В. Абаев, – естественное и стихийное выражение его, личности, его душевного склада, его жизненной судьбы. Его творчество народно потому, что он родился, работал, жил в народе, вместе с народом, для народа» [1, с. 241].

На наш взгляд, исследователи творчества Сека верно определяют жанровые особенности его исторических произведений. Повествование в них ведется о конкретных исторических лицах и достоверных фактах, в них конкретизированы время и пространство, выражается народная точка зрения на исторические события (повествователь выступает как мыслитель и судья), динамичное развитие действия, традиционные формулы (у Н. Джусойты – «условность повествования») [3]. В известной мере это роднит его произведения с историческими песнями и преданиями. Много сил отдавал Сека Гадиев обработке фольклорных сюжетов, в результате появились такие произведения, как «Сон Хазби», «Бой с Абхазовым», «Тега и Курдта», «Тамара и Дедопали», «Давид-Сослан» [2].

Что значительного вносит Сека Гадиев в формирование романного мышления? Во-первых, в центре его внимания всегда судьба человека, его конфликт с окружающей действительностью, конфликт между долгом и чувством, спор, борьба противоположных интересов, глубокий разрыв между желаемым и действительным. В процессе типизации у Сека заметно возрастает роль индивидуализации, что позволяет констатировать тенденцию к художественному равновесию в системе характера типического и индивидуального. В общем же намечается новое качественное соотношение общего (общечеловеческого) и особенного (индивидуального) в человеке, новое художественное осмысление характеров и обстоятельств. У писателя появляются сложный сюжет и композиция, отличающиеся многособытийностью, напряженностью действия, многозначностью эпизодов. В произведениях С. Гадиева встречается стилистическое многообразие, от романтических тенденций до сатирических; причем он органически «сплетает» разнородные художественные элементы: эпичность и лиризм, публицистичность и описание «приземленного» быта. Это не случайно: писатель показывает логику возрастания сложности форм жизненного процесса. Здесь частные конфликты отражают социальные, общественно значимые, а в произведениях его полноправно входит философичность, осмысление жизненного процесса на земле. Народ же в них предстает как главный герой истории, ее творец и создатель.

Показ пробуждения исторического сознания народа, как и конкретизация пространства и времени, являются ведущим критерием в определении жанровой сути произведений писателя. Поэтому его произведения – значительный шаг на пути овладения романной формой. Это закономерный этап в эволюции художественного сознания. Стабилизация новых жанровых форм – процесс динамичный, говорящий об определенной завершенности того или иного этапа в движении народа по пути прогресса его самосознания. А главное назначение, функция жанровых образований – утверждение опыта народного мышления, обобщенного в ходе этого эстетического познания объективной истины. Жанровое образование – явление историческое: в ходе познания истины оно как формально закрепленная субстанция постоянно возникает и совершенствуется. Возникновение в данных литературах разных жанровых образований, их постепенное обогащение говорят о сложности структуры самих литератур. В общей цепи развития движение в них осуществляется от простого к сложному: обогащение литературной структуры идет по пути наращивания жанровых образований и соответственно укрупнения характера героя, улучшения его эстетики.

Список литературы

1. **Абаев В. И.** О Сека Гадиеве. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1958. 250 с.
2. **Гадиев С.** Азау. Рассказы. Цхинвал: Иристон, 1984. 120 с.
3. **Джусойты Н. Г.** Сека Гадиев. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1959. 320 с.
4. **Салагаева З. М.** От Нузальской надписи к роману. Орджоникидзе: Ир, 1984. 480
5. **Салагаева З. М.** Четыре этюда об осетинской литературе. Орджоникидзе: Ир, 1970. 242 с.
6. **Христианская жизнь:** журнал. 1915. № 1. 32 с.

GENRE OF STORY IN SEKA GADIEV'S CREATIVE WORK

Fidarova Rima Yaponovna, Doctor in Philology, Professor
*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies
(Branch) of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*
irinakaytova@mail.ru

Kaitova Irina Anatol'evna, Ph. D. in Philology
North-Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
irinakaytova@mail.ru

The article analyses one of the most topical problems of contemporary Ossetian literature criticism – examination of genre peculiarities in stories by Seka Gadiev at one of the most important stages of Ossetian literature formation at the end of the XIX – the beginning of the XX century. The purpose of the study is the writer's role in the development of the conception of national character in forming Ossetian literature and, of course, in the origination and progress of the story genre in it. The theoretical and practical significance of the article is evident: the results of the research will contribute to further studying the problems of the genre peculiarity of the Ossetian story at the beginning of the XX century and can be used in university and school practice.

Key words and phrases: genre; story; hero; conflict; plot; character; composition.

УДК 366.63:571.8

Статья посвящена выявлению особенностей формирования региональной идентичности посредством печатных СМИ Республики Бурятия. В качестве методологической основы была определена конструктивистская теория идентичности. Сопоставление и соотнесение субъектом себя с другими субъектами и объектами является сущностным содержанием самоопределения. Данный аспект обусловил выбор горизонтального измерения идентичности. Для учета этого измерения идентичности с помощью контент-анализа выборки текстов изучались упоминания связей и сопоставлений Республики Бурятия, г. Улан-Удэ с другими странами и с другими регионами.

Ключевые слова и фразы: региональная идентичность; средства массовой информации; пресса; контент-анализ; тональность сообщений СМИ.

Харанутова Екатерина Иннокентьевна, к. филос. н.
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
kharanutova@inbox.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕЧАТНЫХ СМИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «НОМЕР ОДИН»)**

Региональное самосознание и региональная идентичность могут рассматриваться в качестве важных факторов выделения регионов как единых территориальных, социально-экономических, социокультурных систем. Таким образом, различия в разных сферах жизни регионов определяют особенности формирования региональной идентичности.

Значимость территориальной идентификации в региональном аспекте определяется и тем, что в силу несравненно расширившихся возможностей среда жизнедеятельности социально-территориальных общностей становится не просто неким данным условием их коллективной жизни, а предметом социального проектирования, использования всего совокупного потенциала территории для повышения уровня и качества жизни.

В формировании региональной идентичности огромную роль играют средства массовой информации, поскольку работают на создание так называемого «воображаемого сообщества». Региональные идентичности, подобно национальным, основаны, по выражению Б. Андерсона [1, с. 27], на идее «воображаемых сообществ». Посредством печатного слова люди, не знакомые друг с другом, могут иметь однородное время и узнаваемое пространство, приобщаясь к воображаемому сообществу и будущим поколениям [7, с. 17].

Для того чтобы описать ценность СМИ для общества, Д. МакКуэйл приводит перечень функций прессы:

1. Интеграция и сплоченность. СМИ могут стать средством социальной интеграции, поскольку доносят общий набор информации и взглядов до каждого индивида. Таким образом, СМИ могут породить новые формы личной причастности, в том числе разные виды идентичности [6, с. 59].